

С.В. Гаврилов

ИСТОРИК И МЕЦЕНАТ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В.И. СЕМЕВСКОГО И И.М. СИБИРЯКОВА

Рассматривается история взаимоотношений видного историка-народника В.И. Семевского и иркутского миллионера-мецената И.М. Сибирякова. На основании источников личного происхождения и исторических исследований показано, что их многолетнее сотрудничество способствовало публикации серии работ по истории Сибири, проведению «сибирской экспедиции» В.И. Семевского, разработке «Положения о капитале имени М.А. Сибирякова», изданию монографии В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах».

Ключевые слова: В.И. Семевский; И.М. Сибиряков; история благотворительности; история повседневности; меценат; народничество; пожертвования; сибирские золотые промыслы; сибиряковский капитал.

Вторая половина XIX в. в истории России ознаменована освобождением огромной массы крепостного крестьянства и проведением серии прогрессивных преобразований практически во всех сферах жизни общества. Это время отмечено бурным и во многом противоречивым развитием капитализма в стране. Движущей силой новой системы социально-экономических отношений являлась российская буржуазия, становление которой исследователи правомерно связывают с дореформенным периодом отечественной истории. Перед нами традиционно предстает образ российского буржуа – делового энергичного человека вроде Штольца из романа «Обломов» И.А. Гончарова, Лопухина из «Вишневого сада» А.П. Чехова или «чумазого» человека из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина, пытающихся перестроить искусственную или естественную природу исходя из своих внутренних побуждений. Роль и место российской буржуазии в развитии экономики России пореформенного периода достаточно подробно исследованы в отечественной историографической традиции как советского, так и постсоветского периода. Хотя ставить точку и здесь еще рано.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. отечественная историческая наука начала уделять пристальное внимание изучению меценатства и благотворительности. Одним из наиболее ярких имен в этом перечне стал представитель династии сибирских купцов Иннокентий Михайлович Сибиряков [1–9]. Уровень указанных изысканий не всегда равнозначен. Наряду с ценными исследованиями, как на региональном, так и на общероссийском уровнях, можно наблюдать работы фактографического или апологетического характера. Практически неисследованными к настоящему времени остаются вопросы социальной коммуникации видных российских предпринимателей-меценатов и деятелей проработочной интеллигенции конца XIX – начала XX в. Одним из симптоматичных примеров такого рода взаимодействия является многолетняя совместная деятельность именитого российского историка народнического направления В.И. Семевского (1848–1916) и потомка иркутских купцов-золотопромышленников И.М. Сибирякова (1860–1901), осевшего в Петербурге.

Знакомство молодого сибирского миллионера и популярного в студенческой среде историка состоя-

лось в начале 1880-х гг. Оно могло произойти не только «в стенах петербургского университета, где в это время пытался учиться иркутский миллионер» [5. С. 148], как утверждает А.А. Свирса, но и вполне вероятно вне его пределов. В частности, мемуары либерального общественного деятеля, публициста и экономиста А.А. Головачева содержат упоминание о том, что на «четвергах» редактора «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцева «нередко можно было встретить также разных лиц, известных своей просветительской общественной деятельностью, друзей науки и молодежи, как, например, И.М. и А.М. Сибиряковых, Дойхмана, Кононовича, Пантелеева, Павлинова» [10. С. 355]. Эта версия знакомства представляется более предпочтительной, учитывая пиетет, который первоначально испытывал И.М. Сибиряков к сибирскому землячеству в Петербурге.

В период недолгого преподавания В.И. Семевского в Петербургском университете молодой иркутский миллионер в статусе вольнослушателя посещал его лекции по истории крестьянства и крестьянского вопроса в России. 31 октября 1885 г. Иннокентий Михайлович Сибиряков написал прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета, указав в нем те лекции, которые он хотел бы прослушать в этом качестве. «При этом имею честь сообщить, что я желаю слушать следующие лекции: по юридическому факультету I курса – по Политической Экономии, Русскому Праву, Энциклопедии и философии права; по юридическому факультету II курса – полицейскому праву (полиция безопасности) и Государственному праву. И по Историко-Философскому факультету лекции по русской истории приват-доцента Семевского и по новой истории приват-доцента Хартьева (?). Необходимые документы для поступления находятся в моем деле в университете» [11].

Впрочем, слушание лекций В.И. Семевского оказалось для сибиряка непродолжительным по независящим от него обстоятельствам. По распоряжению министра народного просвещения И.Д. Делянова 2 января 1886 г. историк был отстранен от чтения лекций в Санкт-Петербургском университете и более никогда к этой практике не возвращался. В записке, адресованной И.Д. Деляновым главному советнику императорской канцелярии Н.Н. Герарду от 15 января 1886 г., в качестве основания увольнения В.И. Семев-

ского указано то, что «под предлогом изложения Истории России в объективном виде преподавал оную так, что она могла только возбудить в молодых умах чувство негодования к прошлому, не обогащая их основательными познаниями» [12. Л. 811].

Отставка фрондирующего историка не вызвала сопротивления со стороны профессорско-преподавательского состава университета, однако породила «брожения» в студенческой среде, где был популярен молодой исследователь. Последние нашли свое воплощение в составлении студентами в январе этого же года сочувственного адреса В.И. Семевскому, в котором выражалось возмущение его несправедливым увольнением [13].

Освобождение от должности доцента не прервало связей В.И. Семевского со студенческой аудиторией. Это сотрудничество трансформировалось в плоскость так называемого домашнего университета историка-народника, одним из участников которого стал вольнослушатель Иннокентий Сибиряков.

Не секрет, что общение студентов и преподавателей, формировавшееся в рамках академического учебного процесса, не завершалось по его окончании, а продолжалось в неформальной «домашней» обстановке. В отчетах Санкт-Петербургского университета отложились свидетельства о продолжении научных занятий студентов, уже закончивших курс обучения и не «оставленных» при учебном заведении [14. С. 129, 131]. Это характерно прежде всего в отношении действующего профессорско-преподавательского состава. В нашем же случае центром притяжения студенческой аудитории стал уволенный, фактически без права возвращения в университет, ученый-историк. Коммуникация в подобной обстановке требовала максимально доверительных отношений между бывшими учителем и учениками. И эти «интимные» контакты так или иначе касались оценки всевозможных проявлений студенческого движения. Структура домашних встреч на квартире у В.И. Семевского включала в себя первоначально чтение и анализ рефератов, а затем обсуждение текущих общественных проблем. По свидетельству И.И. Игнатович, «беседы В.И. Семевского с занимающейся у него молодежью не ограничивались только предметом занятий. Молодежь шла к нему со своими радостями и горестями, как академического, так и политического характера. Василий Иванович всегда интересовался всякими событиями студенчества, откликался на них не только словами участия и сочувствия, но и более существенно, если того требовали обстоятельства» [15. Л. 7].

Наряду с П.Ф. Лесгафтом В.И. Семевский стал авторитетом, ко мнению которого охотно прислушивался Иннокентий Сибиряков. Молодому сибиряку импонировали его научная эрудиция, громадная работоспособность и личные человеческие качества, к числу которых относились честность, скромность и деликатность в, казалось бы, типичных жизненных ситуациях. Для В.И. Семевского не являлось самоцелью решение вопросов своего оставляющего желать лучшего материального положения за счет иркутского миллионера. Историк-народник был совершенно не похож на корыстолюбивую часть профессуры Петер-

бургского университета, которая, зная о богатстве И.М. Сибирякова, назначала несоизмеримые гонорары за свои услуги. «Все встречи, все сношения с людьми и даже с наукой были для него отравлены деньгами; деньги везде, всегда и во всем; деньги положили грань между ним и всеми людьми от товарищей по университету до профессоров включительно» [16. С. 257]. Собственно этот фактор и привел И.М. Сибирякова к разрыву с университетом.

В октябре 1885 г., еще будучи студентом Петербургского университета, движимый идей просвещения своего родного края И.М. Сибиряков предложил В.И. Семевскому заняться изучением жизни и быта приисковых рабочих Сибири. 18 октября 1885 г. между приват-доцентом Петербургского университета В.И. Семевским и потомственным почетным гражданином И.М. Сибиряковым был заключен договор о составлении первого описания «быта приисковых рабочих в Сибири с момента его возникновения и до наших дней по выработанной Семевским программе» [17. Л. 1]. Условия договора были комфортны для исследователя. Во-первых, И.М. Сибиряков предоставил историку возможность выполнять соглашение в удобные для него сроки; во-вторых, молодой меценат взял на себя «все расходы по составлению книги», а также финансирование возможного путешествия В.И. Семевского в Сибирь для сбора материала сроком до пяти месяцев [17. Л. 1 об.].

Работа исследователя над оговоренным в договоре проектом была отложена почти на три года, пока В.И. Семевский не завершил работу над своей докторской диссертацией «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Однако историк не полностью абстрагировался от сибирской тематики, которая благодаря его «сибирскому» окружению была ему хорошо знакома. В следующем календарном году в «Сибирском сборнике» была опубликована рецензия на «Историческое обозрение Сибири П.А. Словцова», продемонстрировавшая великолепное знание В.И. Семевским степени изученности истории Сибири и ее ключевых проблем.

Подготовка и проведение сибирской экспедиции В.И. Семевского в 1891 г. стали реальностью благодаря денежной и отчасти организационной поддержке со стороны И.М. Сибирякова, выделившего 3 тыс. руб. и пообещавшего оплатить покупку материалов в сумме до 2 тыс. руб. «Если же встретится что-то особенно важное и ценное, то я попрошу Вас сообщить мне особо» [18. Л. 10–11].

Полугодовая поездка по Сибири оказалась успешной и в плане сбора и систематизации архивных материалов по проблеме исследования, и в деле знакомства историка с жизнью и бытом приисковых рабочих. «В финансовых вопросах В.И. Семевский продемонстрировал чрезвычайную щепетильность. 29 ноября 1891 г., через несколько дней после возвращения из Сибири, он вернул оставшиеся 363 руб., прилагая смету дорожных расходов [17. Л. 1–2; 19. Л. 1]. А 30 ноября 1891 г. ученый получил еще 4 тыс. руб. гонорара согласно положениям п. 5 Договора» [20. С. 182].

В 1880-е гг., находясь под сильным влиянием со стороны сибирского землячества в Петербурге и бу-

дучи искренним патриотом Сибири, И.М. Сибиряков осуществил серию просветительских проектов, связанных с изданием книг как научного, так и научно-популярного характера, посвященных истории региона. Начало плодотворного сотрудничества ученого и сибирского благотворителя в сфере редакционно-издательской деятельности относится к 1886 г., когда по личной просьбе И.М. Сибирякова В.И. Семевский подготовил рецензию на труд П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» [21], впервые изданный в 1838–1844 гг.

Рецензию В.И. Семевского можно считать отправной точкой в складывании сибирского цикла изысканий в научном творчестве историка, включившего в себя почти двенадцать лет его жизни. Данная работа только по форме являлась рецензией, по сути же выступала своеобразной научной программой для тех исследователей, которые хотели бы посвятить себя изучению проблем истории Сибири. Акцентирование внимания общественности, и не только научной, к насущным на тот момент времени проблемам развития исторической науки в Сибири было, по мысли В.И. Семевского, невозможно представить без обращения к трудам Г.Ф. Миллера и П.А. Словцова, с одной стороны, и без привлечения молодых научных сил – с другой. Чтобы поставить исследование сибирской проблематики на должный уровень, было необходимо соответствующее материальное и организационное обеспечение научно-исследовательской деятельности. В контексте формирования научной инфраструктуры В.И. Семевский связывал большие надежды с открытием Императорского Сибирского университета, корпуса которого были заложены еще в 1880 г. Финансовое содействие молодым ученым должны были оказывать местные сибирские меценаты – «жертвователи» через установление именных стипендий или в какой-либо иной форме. Образцом такого благотворителя для В.И. Семевского, как и для большей части реформаторского народничества, стал двадцатилетний иркутский миллионер И.М. Сибиряков. На его субсидии было осуществлено переиздание указанной монографии П.А. Словцова, не являющейся коммерческим проектом. Благородному примеру И.М. Сибирякова, по мнению историка, должны были последовать и другие сибирские предприниматели.

Одержимый идеей издания литературы о Сибири И.М. Сибиряков обращался к В.И. Семевскому с просьбами дать экспертную оценку тем или иным произведениям сибирских авторов. Так, в письме к В.И. Семевскому от 9 апреля 1888 г. он попросил его написать критические отзывы на книгу А. Уманьского «Очерки золотопромышленности в сибирской тайге» и на еще две книги, которые выйдут вскоре [22. Л. 1]. Первая рецензия увидела свет в июньской книжке «Русской старины», позже были опубликованы и другие [23–25].

Меценат оказался внимателен по отношению к вдове поэта-сибиряка И.В. Омулевского, памяти которого им был издан сборник стихов «Сибирские мотивы». Средства от продажи пошли семье умершего. В письме к В.И. Семевскому, являвшемуся членом Литературного фонда и некоторое время его секретарем,

И.М. Сибиряков тактично интересовался: «Нельзя ли мне получить справку из Литературного фонда сколько я уже внес для передачи госпоже Омулевской и тогда я сообщу Вам сколько могу передать теперь за проданные “Сибирские мотивы”» [26. Л. 8].

Однако иногда на фоне общего альтруизма в отношениях между историком и благотворителем можно увидеть банальный прагматический подход дельца. Вышесказанное прежде всего имеет отношение к желанию И.М. Сибирякова через В.И. Семевского получить доступ к сибирским материалам, которые могут храниться в «портфеле редакции» «Русская старина» с целью их возможного приобретения и публикации [27. Л. 7].

Значительная часть переписки И.М. Сибирякова и В.И. Семевского, сохранившейся в личном фонде историка в архиве РАН, посвящена приготовлениям к публикации двухтомного исследования «Рабочие на сибирских золотых промыслах». Написание данного труда являлось предметом договора от 18 октября 1885 г. Объем будущей работы и стоимость печатного листа были четко оговорены в тексте соглашения, но жизнь вносила свои коррективы. Инициатором корректировки объема исследования стал сам иркутский миллионер. Вскоре после возвращения В.И. Семевского из сибирской экспедиции Иннокентий Сибиряков предложил «ввиду обилия материала по разбираемому вопросу... расширить размер... труда до 100 печатных листов с платой за все последующие после 30-го листа по 100 рублей за лист» [28. Л. 14].

Инициатива И.М. Сибирякова вызвала неоднозначную реакцию со стороны историка-народника. «Позвольте от всей души поблагодарить Вас за любезное предложение увеличить размер моего труда о приисковых рабочих и за готовность истратить еще значительную сумму на добавленный гонорар. Но я не хотел бы увеличивать размер моего сочинения, так как значительное увеличение его объема может повредить его распространению. Может случиться, что в виду обилия материалов, я и напишу несколько более установленной нормы, но тогда я примусь за возможные сокращения, если же и возникнет избыток против нормы, то в этом случае не желаю никакого дополнительного гонорара, так как нахожу, что мой труд и без того хорошо оплачен. Так как ваше желание изменить п. 4. без сомнения вызванного предполагавшимся увеличением размера сочинения, то Вы вероятно будете теперь на этом настаивать. Я уверен, что никаких разногласий между нами в этом отношении никогда быть не может, если же это касается содержания моего труда, то в этом отношении я не могу отказаться от той полной свободы, которая предоставлена мне нашим договором. Без этого условия я, разумеется, ни за какой гонорар не принял бы за предложенный мне Вами труд» [29. Л. 2–3].

Это письмо характеризует В.И. Семевского, во-первых, как опытного исследователя, живущего преимущественно литературным трудом, превосходно представляющего, в каком объеме и по какой цене будут продаваться его научные изыскания; во-вторых, как порядочного человека, не желающего нажиться за счет сибирского миллионера; и, в-третьих, как исто-

рика, не способного поступаться принципами и ограничивать свободу творчества за большие деньги.

Иннокентию Сибирякову пришлось на следующей день в трогательно-извинительном послании убеждать В.И. Семевского, «что разумеется стеснять Вашу свободу в изучении вопроса о приисковых рабочих» [30. Л. 17] он не имел никакого желания. Недоразумение было урегулировано. Последующие три года в истории взаимоотношений сибирского миллионера-мецената и петербургского историка-народника в вопросах редакционно-издательского плана не ознаменованы сколь-нибудь заметными событиями. В это время исследователь был занят обработкой огромного массива архивных материалов, извлеченных как из столичных, так и из сибирских архивов, написанием серии статей, повествующих о различных сторонах жизни и быта рабочих на сибирских золотых промыслах.

Проблемы, связанные с подготовкой к публикации книги о приисковых рабочих, неожиданно оказались вытесненными на второй план другим совместным замыслом сибирского благотворителя и петербургского историка – проектом организации «Капитала имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова», отца И.М. Сибирякова. Осенью 1893 г. Иннокентий Михайлович обратился к В.И. Семевскому с просьбой принять участие в составлении текста положения о выдаче процентов с жертвуемого благотворителем капитала. Первоначальная сумма капитала, шедшая на вспомоществование приисковым рабочим, составляла 100 тыс. руб. Историк с энтузиазмом откликнулся на поступившее приглашение, так как оно соответствовало его представлениям об уплате векового «долга народу» и теории «малых дел», популярной среди части реформаторского народного движения во второй половине 1880-х – середине 1890-х гг. на фоне спада общественного движения. В ответном письме И.М. Сибирякову от 18 сентября 1893 г. на предложение увеличить жертвуемый капитал до 200 тыс. В.И. Семевский восторженно приветствовал эту идею, заявив о готовности присоединиться к ее претворению в жизнь. «Глубокоуважаемый и дорогой Иннокентий Михайлович, вчерашнее письмо Ваше бесконечно тронуло меня: только что, изъявив готовность сделать огромное пожертвование, Вы увеличиваете его вдвое и еще при этом готовы увеличить жертвуемые Вами суммы... Я очень хорошо знаю, что я тут ни при чем, что Вы мысль о помощи приисковым рабочим выстрадали, для меня же поработать ради этого благого дела – величайшее наслаждение... Ваше дело само по себе прекрасно, но оно прекрасно и как пример, и как громкое признание общественной обязанности... Я просто в восторге, что мое знание быта приисковых рабочих дает мне возможность... при выработке необходимых правил раздачи им пенсий и пособий. И что таким образом приобретенные мною знания найдут практическое приложение» [31. Л. 4–5].

Некоторое время спустя сумма жертвуемого капитала на нужды приисковых рабочих была увеличена благодаря И.М. Сибирякову еще вдвое и составила «410 тысяч рублей в 4% государственных бумагах по номинальной их стоимости». Находясь в состоянии

душевного подъема, сибирский миллионер обратился к своему учителю: «...дело это меня занимало всю жизнь, и поэтому Вы не удивитесь, что я пользуюсь подходящими обстоятельствами, благодаря Вашему содействию, чтобы осуществить желанную цель» [32. Л. 22].

Моральная поддержка в среде сибирского землячества в Петербурге, сочувствие В.И. Семевского, а также вероятная солидарность данному начинанию молодого мецената в семье Сибиряковых, имевшей устойчивые традиции в проведении крупных акций благотворительности, могли сыграть не последнюю роль этой в этой инновации.

Не являясь юристом по образованию, но будучи знатоком законодательства в области горного дела и золотопромышленности, а также условий повседневной жизни и быта рабочих на сибирских золотых промыслах, В.И. Семевский энергично приступил к разработке проекта положения о «Капитале имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова». К началу ноября 1893 г. черновой вариант был готов. Именно в это время, как свидетельствует переписка историка и жертвователя, пожертвование перестало иметь анонимный характер. В письме от 6 ноября 1893 г. И.М. Сибиряков сообщил В.И. Семевскому о том, что «решил сделать маленькое изменение в проекте, а именно, я думаю сделать заявление о пожертвовании прямо от своего имени, а не от неизвестного лица. Будьте добры ввести эту поправку» [33. Л. 23].

Внешнюю экспертизу Положения о капитале производил Александр Константинович Трапезников – дядя Иннокентия Сибирякова по материнской линии. В конце ноября 1893 г. были получены его замечания на проект. А 4 декабря 1893 г. И.М. Сибиряков выписал В.И. Семевскому доверенность, дающую право осуществлять от имени жертвователя все бюрократические процедуры, связанные с продвижением проекта положения в министерстве государственных имуществ и иных инстанциях. Это, безусловно, отнимало у историка значительное время и силы, но дело того стоило. 15 марта 1894 г. Положение о капитале было «утверждено министром государственных имуществ с Высочайшего соизволения» [5. С. 151].

Параллельно с разрешением бюрократических вопросов подготовки проекта набирала оборот его медийная составляющая – формирование позитивного образа начинания Иннокентия Сибирякова в глазах столичной общественности. Семевский сыграл здесь не последнюю роль. В апреле 1894 г. в газете «Русские ведомости» была напечатана статья исследователя «Крупное пожертвование в пользу рабочих». В ней автор изложил краткую предысторию появления Положения о капитале имени М.А. Сибирякова и познакомил читателя с основными принципами этого документа. По мнению историка-народника, проблемы трудовых отношений во всем объеме могли быть разрешены только законодательным путем. Но пока этого нет, то инициатива должна всецело находиться в руках таких лиц, как И.М. Сибиряков. «Это дело само по себе прекрасно, оно прекрасно и как пример, и как громкое признание общественной обязанности,

лежащей на всех владельцах торговых, промышленных и сельскохозяйственных предприятий» [34. С. 3]. Автор мечтал о создании общества вспомоществования приисковым рабочим, толчком к этому должно было стать «крупное пожертвование в пользу рабочих» [34. С. 3].

Ознакомлению заинтересованных лиц с принципами выдачи пособий рабочим сибирских золотых промыслов, утративших трудоспособность, и в целом популяризации самого Положения о капитале имени М.А. Сибирякова должно было способствовать дополнительное издание как его самого, так и вышеупомянутой статьи В.И. Семевского. В своем письме от 17 октября 1894 г. И.М. Сибиряков написал: «Я вполне разделяю Ваше мнение о печатании Положения и статьи Вашей отдельно. Я думаю, что если число экземпляров Положения определить в 300, то число экземпляров Вашей статьи можно определить в 100» [35. Л. 28]. Историк и меценат действовали в режиме симфонии, воплощая в жизнь общее для обоих «хорошее дело».

Реализация их совместного проекта вспоможения рабочим на сибирских золотых промыслах разворачивалась на фоне «прогрессирующей религиозной экзальтации» И.М. Сибирякова [5. С. 154]. По мнению А.С. Дикун, после его возвращения из заграничной поездки в 1890 г. «мысли Иннокентия Михайловича все больше начинает занимать религия, он ищет утешения в молитве, познает основы христианской философии, идет навстречу тем, кто нуждается: жертвует деньги на храмы, часто посещает их в Петербурге, оказывает помощь нищим на папертях, которая приводит в ужас тех, кто ее получает» [3. С. 255]. На рубеже 1893–1894 гг. началось свертывание подавляющей части светских просветительских проектов, финансируемых сибирским благотворителем. Редким исключением была разработка Положения о капитале имени М.А. Сибирякова, которое не противоречило представлениям Иннокентия Михайловича отдать деньги нуждающимся. «Как это случилось, думал я, что в моих руках скопились такие средства, которыми могли бы прокормиться тысячи людей?» [36. С. 167.].

Отказ от большинства начинаний в области образования и просвещения встретил негативный отклик «слева» со стороны пронароднически настроенной петербургской и сибирской интеллигенции, радикальным выразителем настроений которой стал представитель сибирского областничества Н.М. Ядринцев. В письме своему лечащему врачу, датированному 22 декабря 1893 г., он с раздражением написал о том, что «после моих разговоров об изданиях Иннокентий-невменяемый предложил мне кредит прожить два месяца, чтобы писать и подыскивать издателей художественных произведений. Как он подает теперь к празднику нищим старухам, так и подает... мне. Он занят этим, и до шестидесяти салонниц в день у него получают трехрублевки. В этом он нашел себе занятие, развлечение и выполнение нравственного долга, пугаясь и отказываясь от всего прочего... Тут уж не сердиться приходится, а жалеть человека, у которого нет ни чутя, ни ума, натура которого бедна, и щедрость от незнания мешается с врожденным скряжни-

чеством, благотворительность с неверием и... боязнью» [37. С. 295–296].

За несколько месяцев до отправления этого письма Н.М. Ядринцев совершил поездку в США на средства, выделенные иркутским миллионером. Стимулом же для резкой перемены в их отношениях стало прекращение финансирования в области литературы и искусства со стороны И.М. Сибирякова. Семевский принадлежал к тому же кругу, что и Ядринцев, часто бывая на его «четвергах». Он остался практически единственным человеком из плеяды петербургских «сибиряков», у кого пытался встретить понимание сибирский меценат и нашел его исключительно в рамках разработки и продвижения Положения о капитале имени М.А. Сибирякова.

Неприятие деятельности Иннокентия Сибирякова «справа» проецировалось в действиях петербургского градоначальника В.В. Валя, заподозрившего, что безграничной щедростью иркутского богача «могут воспользоваться оппозиционные к власти силы» [5. С. 154]. Характерно, что и интеллигенция, и власть усматривали в благотворительности И.М. Сибирякова проявление невменяемости. Со стороны первых реакция нашла выражение в оценках морального характера, В.В. Валь же продемонстрировал свое отношение через двойную попытку психиатрической экспертизы молодого сибирского миллионера. Выдержать такое давление в одиночку мог только обладающий сильным характером человек, каковым замкнутый в себе И.М. Сибиряков не являлся. В это время произошла встреча благотворителя с отцом Давидом, под влиянием которого он попадал все больше. В 1894 г. И.М. Сибиряков переселился на петербургское подворье Свято-Андреевского скита.

В конце 1894 – начале 1895 гг. В.И. Семевский предпринял отчаянную попытку в деле формирования положительного общественного мнения в отношении как самого Иннокентия Сибирякова, так и Положения о капитале в частности. Главной целью ученого-историка, видимо, стало стремление доказать, что этот документ выработан «при непосредственном участии и содействии И.М. Сибирякова и представляет собой образец здравомысленной предусмотрительности и глубокого знакомства с условиями быта приисковых рабочих» [38]. Для В.И. Семевского это означало, что несколько десятков приисковых рабочих получают пенсии и свыше ста человек – единовременные пособия.

С этого времени интенсивность общения историка-народника и будущего афонского схимника постепенно пошла на спад. Причин этому, на наш взгляд, несколько. Положение о капитале имени М.А. Сибирякова было утверждено и опубликовано в № 142 «Собрания узаконений и распоряжений правительства 1894 года», а два психиатрических освидетельствования в июне 1894 и январе 1895 гг. признали И.М. Сибирякова вменяемым, и арест с его капиталов был снят. Таким образом, исчез основной предмет коммуникации петербургского историка народника и иркутского купца-миллионера. Кроме того, поскольку в 1894 г. Иннокентий Сибиряков переехал на петербургское подворье Свято-Андреевского скита, их вер-

бальные контакты стали технически затруднительны. По утверждению А.А. Головачева, «в это время монахи так тщательно охраняют его, что доступ к нему без их ведома и разрешения становится невозможным. Благотворительная деятельность его меняет свой характер и из просветительно-светской ранее в течение 10 лет первого периода становится чисто религиозной» [39. С. 1]. Переписка авторов была спорадической и сугубо деловой. Их общение касалось главным образом финансовых вопросов, связанных с подготовкой и изданием монографии В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», увидевшей свет осенью 1898 г., а также с выплатами оставшейся части причитающегося историку гонорара.

Что послужило толчком тому, что Иннокентий Сибиряков впал в состояние религиозного экстаза? Исследователи, как правило, обращают внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, мягкость или слабохарактерность сибирского филантропа (акцент зависит от мировоззренческой позиции рассматривающего). Во-вторых, впечатления от путешествия И.М. Сибирякова по Западной Европе в 1890 г., возвратившись из которого молодой иркутский благотворитель начал поэтапно сворачивать светские благотворительные проекты, связанные с поддержкой интеллигенции и литературных деятелей. Вместе с тем, материальная помощь приобрела иной социальный адресат – голодающие, рабочие на сибирских золотых промыслах и т.д. В-третьих, глубинная религиозность, издавна сложившаяся в семье Сибиряковых. Впрочем, никто из братьев и сестер Иннокентия Сибирякова, осуществляя активную благотворительную деятельность как в Сибири, так и вне ее, не тяготел к уходу из мира в монашеское братство. В-четвертых, крайне болезненное состояние мецената, страдающего туберкулезом, вследствие чего страх скорой смерти мог привести к развитию религиозного чувства. Катализатором же обращения к религии могло послужить знакомство миллионера-золотопромышленника с отцом Давидом.

В статье, посвященной памяти В.И. Семевского, сибирский «областник» Г.Н. Потанин правомерно отмечал, что «у Сибирякова было два авторитета, у которых он искал руководства в своих благотворительных предприятиях: это – Лесгафт, курсам которого он обязан своим образованием, и В.И. Семевский» [40. С. 224]. «Характеризуя душевный склад Сибирякова, Семевский отмечал его совестливое отношение к той части народной массы, труду которой Сибиряков считал себя обязанным своим благосостоянием. То же самое отмечал и я в своих сношениях с И.М. Сибиряковым» [40. С. 224–225]. «Он охотнее, чем на какие-либо другие цели, жертвовал деньги на дела, которые имели какое-либо отношение к рабочему классу на ленских золотых промыслах. Когда Семевский слышал сожаления, что сибирский меценат не имеет собственной инициативы в своей благотвори-

тельной деятельности, а руководствуется чужими внушениями, В.И. всегда энергично защищал Сибирякова от этих обвинений, и я думаю, что он имел к этому большое основание» [40. С. 225]. Данная характеристика Г.Н. Потанина могла быть свойственна В.И. Семевскому в конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. Но начиная с 1895–1896 гг. отношения между историком и благотворителем становятся более формальными, эпизодическими и прохладными.

Об ином отношении к И.М. Сибирякову наглядно свидетельствует в своих мемуарах редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов, бывавший в гостях у Семевских во второй половине 1890-х гг. «Я познакомился с И.М. Сибиряковым, который произвел на меня тяжелое впечатление человека ненормального. Он говорил много о религии, Боге, спасении души. Свое впечатление я передал В.И. Семевскому, который был близок с Иннокентием Михайловичем, и назвал Сибирякова ненормальным человеком. На это Е.Н. Водовозова-Семевская категорически заметила: “Ненормальный? Совсем сошел с ума!...” “Ну, ты уж слишком... Конечно, ненормален, но, быть может, еще поправится, – перебил жену В.И. Семевский”» [41. С. 190–191].

Поводом к охлаждению во взаимоотношениях народнического исследователя и иркутского миллионера могло послужить увлечение последнего религией. В.И. Семевский был светским человеком. Светской же была и среда, в которой вращался исследователь, и к меняющемуся мнению которой об И.М. Сибирякове он был вынужден прислушиваться. Последнее письмо историка к схимнику Иннокентию на Афоне датировано 15 сентября 1898 г., с которым он отправил экземпляр своей книги «Рабочие на сибирских золотых промыслах».

В.И. Семевский не стал для иркутского благотворителя тем человеком, в котором можно было найти надежную нравственную опору. Вместе с тем многолетняя конструктивная совместная работа историка и сибирского миллионера способствовала реализации многочисленных светских гуманитарных проектов, к числу которых можно отнести рецензирование В.И. Семевским и издание И.М. Сибиряковым серии работ по истории Сибири, сибирскую научную экспедицию исследователя, генезис научного изучения условий жизни рабочих на сибирских золотых промыслах. Кульминацией сотрудничества стала разработка проекта Положения о капитале имени М.А. Сибирякова, призванного оказать неотложную материальную помощь рабочим, получившим увечья на приисках Якутской области, и семьям, потерявшим кормильцев на золотых промыслах, и продемонстрировать позитивный пример благотворительности другим промышленникам и предпринимателям Сибири в условиях отсутствия государственной системы социального страхования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Н.Ф. Купец, миллионер, благотворитель и афонский монах Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901 гг.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2016. Т. 22, № 1. С. 243–247.

2. Гаврилова Н.И. Иннокентий Михайлович Сибиряков: просвещенный благотворитель // Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 104–120.
3. Дикун А.С. Подвиги благочестия и молитвы. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 253–257.
4. Зиновьев В.П. Страхование горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 73–77. DOI:10.17223/15617793/407/12
5. Свируса А.А. Сибиряковский капитал: судьба благотворителя и благотворительности (к 150-летию со дня рождения И.М. Сибирякова) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера и технологии. 2010. № 2 (4). С. 147–159.
6. Соловьева Б.А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Природа. 2001. № 10. С. 91–96.
7. Шиловский М.В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 161–164. DOI: 10.17223/15617793/437/23
8. Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: биограф. повествования. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 140 с.
9. Шорохова Т.С. Издатель-благотворитель И.М. Сибиряков // Библиография и книговедение. 2015. № 4. С. 112–115.
10. Головачев А. Ядринцевские четверги // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. С. 353–358.
11. Сибиряков Иннокентий Михайлович // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21433.
12. Дело об утверждении профессоров университетов на основании нового Университетского устава // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 149. Д. 827.
13. Сватиков С.Г. Увольнение В.И. Семевского и петербургское студенчество // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 233–235.
14. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 год: с прил. речи ординар. проф. Э.Д. Гримма / под ред. ординар. проф. В.А. Стеклова. СПб. : Тип. Б.М. Вольфа, 1908. 268 с.
15. Игнатович И.И. О жизни и деятельности Семевского В.И. и руководимом им историческом кружке. Воспоминания. Автограф // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 1023. Оп. 1. Д. 53.
16. Познер С. Из воспоминаний о Петре Францевиче Лесгафте // Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб. : Издание газеты «Школа и Жизнь», 1912. С. 242–298 с ил.
17. Договор В.И. Семевского с И.М. Сибиряковым о написании книги о жизни приисковых рабочих Сибири // Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 489. Оп. 2. Д. 35.
18. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 10 мая 1891 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
19. Семевский В.И. Письмо И.М. Сибирякову. 29 ноября 1891 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 30.
20. Гаврилов С.В. Сибирская экспедиция В.И. Семевского: подготовка, «дорожная карта, результаты» // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 177–182.
21. Семевский В.И. Историческое обозрение Сибири П.А. Словцова // Сибирский сборник. 1886. Кн. III. С. 159–166.
22. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 9 апреля 1888 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
23. Семевский В.И. Рецензия: Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888 // Русская старина. 1888. LIX. Июнь. С. 2–3.
24. Семевский В.И. Рецензия: Сибирские рассказы из жизни приискового люда. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1888 // Русская старина. 1888. LIX. Август. С. 3.
25. Семевский В.И. Рецензия: Наумов Н.И. Паутина. Рассказ из жизни приискового люда Сибири. СПб., 1888 // Русская старина. 1888. LX. Ноябрь. С. 3.
26. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 11 февраля 1891 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
27. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 30 ноября 1890 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
28. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 5 января 1892 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
29. Семевский В.И. Письмо И.М. Сибирякову. 7 января 1892 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 30.
30. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 8 января 1892 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
31. Семевский В.И. Письмо И.М. Сибирякову. 18 сентября 1893 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 30.
32. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 24 октября 1893 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
33. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 6 ноября 1893 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
34. Семевский В.И. Крупное пожертвование в пользу рабочих // Русские ведомости. 1894. № 97. С. 2–3.
35. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 17 октября 1894 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
36. Глебов С. Благотетели (из воспоминаний) // Русский паломник. 1908. № 11. С. 167.
37. Ядринцев Н.М. Письмо В.И. Семидалову. 22 декабря 1893 г. // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. С. 294–297.
38. Хорошее дело и злые толки // Санкт-Петербургские ведомости. 1895. № 24. 25 января. С. 1.
39. Головачев А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. 1 июня. № 115. С. 1–2.
40. Потанин Г.Н. Памяти Василия Ивановича Семевского // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 223–226.
41. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 июня 2019 г.

A Historian and a Philanthropist: On the History of Relations Between Vasily Semevsky and Innokenty Sibiriyakov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 101–109.

DOI: 10.17223/15617793/457/13

Sergey V. Gavrilov, Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sv.gavrilov@inbox.ru

Keywords: Vasily Semevsky; Innokenty Sibiriyakov; history of charity; history of everyday life; philanthropist; Narodniks; donations; Siberian gold crafts; Sibiriyakov's funds.

The article focuses on a multi-aspect examination of the relationship between Vasily Semevsky, a prominent Narodnik historian, and Innokenty Sibiriyakov, a millionaire philanthropist from Irkutsk, over a span of a decade and a half (early 1880s – mid-1890s). To achieve this aim, various types of published and archival sources were used. The source basis of the study consists of documents of personal origin, clerical documentation, and periodicals. The author of the article employed the method of historical and biographical reconstruction, which allowed identifying the spatial and temporal boundaries of Sibiriyakov and Semevsky's relationship; the historical and genetic method, which allowed exploring the personalities of the men in the development of their interaction and identifying

qualitative changes; the method of behaviorism, which allowed penetrating into the men's inner world by modeling the motivation of their actions. Initially, the author dwelt on the nature and circumstances of Semevsky and Sibiryakov's acquaintance, which could take place in St. Petersburg University or in the apartment of Nikolay Yadrintsev, a famous publicist. The key event that determined the intensity and content of their interaction was the conclusion of a contract between Sibiryakov and Semevsky in 1885: the latter was to compile a description of the living conditions of workers in the Siberian gold fields. Doing this research, Semevsky made a six-month trip to Siberia to collect the missing material in 1891. Sibiryakov generously financed this trip. Since 1886 editorial and publishing activities connected Semevsky and Sibiryakov. The former prepared a series of reviews of scientific and popular science books on the history of Siberia. A significant part of the correspondence between Sibiryakov and Semevsky, preserved in the personal fund of the historian in the Archive of the Russian Academy of Sciences, is devoted to the preparation of the two-volume book *Rabochie na Sibirskikh Zolotnykh Priiskakh* [Workers in the Siberian Gold Fields]. In 1893–1894, Semevsky participated in the elaboration and promotion of the project “Regulation on the Fund named after Mikhail Sibiryakov” intended to support workers injured in the Siberian gold mines. The philanthropist donated 410 thousand rubles to it. The work on this regulation coincided with accusations against Sibiryakov in mental insanity and excessive waste. The cooling of relations between the researcher and the young patron took place against the background of the religious exaltation of the latter: Sibiryakov became a monk. Semevsky's book *Rabochie na Sibirskikh Zolotnykh Priiskakh* was published in 1898 when Innokenty Sibiryakov was in a monastery in Mount Athos.

REFERENCES

- Basov, N.F. (2016) The merchant, the millionaire, the philanthropist and the athonite monk Innokenty Mikhaylovich Sibiryakov (1860–1901). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 1 (22). pp. 243–247. (In Russian).
- Gavrilova, N.I. (2017) *Kupecheskiy rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii* [Merchant Family of the Sibiryakovs: Pages of history]. Irkutsk: Ottisk. pp. 104–120.
- Dikun, A.S. (2012) Devotee of piety and prayer. Innokenty Mikhailovich Sibiryakov (1860–1901) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2 (3). Part. 1. pp. 253–257. (In Russian).
- Zinov'ev, V.P. (2016) Insurance for miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 73–77. (In Russian). DOI:10.17223/15617793/407/12
- Svirska, A.A. (2010) Sibiryakovskiy kapital: sud'ba blagotvoritelya i blagotvoritel'nosti (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. Sibiryakova) [Sibiryakov's capital: the fate of a philanthropist and charity (to the 150th anniversary of the birth of I.M. Sibiryakov)]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera i tekhnologii*. 2 (4). pp. 147–159.
- Solov'eva, B.A. (2001) Innokenty Mikhaylovich Sibiryakov. *Priroda*. 10. pp. 91–96. (In Russian).
- Shilovskiy, M.V. (2018) Specific features of charity in the field of education during the pre-revolutionary period in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 161–164. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/23
- Shorokhova, T.S. (2005) *Blagotvoritel' Innokenty Sibiryakov: biograf. povestvovaniya* [Philanthropist Innokenty Sibiryakov: biographical narrations]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Shorokhova, T.S. (2015) I.M. Sibiryakov: a publisher and a philanthropist. *Bibliografiya i knigovedenie*. 4. pp. 112–115. (In Russian).
- Golovachev, A. (1980) Yadrintsevskie chetvergi [Yadrintsev's Thursdays]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. pp. 353–358.
- Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA). Fund 14. List 3. File 21433. *Sibiryakov Innokenty Mikhaylovich*. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 149. File 827. *Delo ob utverzhenii professorov universitetov na osnovanii novogo Universitetskogo ustava* [The Case of the Approval of University Professors on the Basis of the New University Charter].
- Svatikov, S.G. (1916) Uvol'nenie V.I. Semevskogo i petersburgskoe studenchestvo [The dismissal of V.I. Semevsky and Saint Petersburg students]. *Golos minushnego*. 12. pp. 233–235.
- Steklov, V.A. (ed.) (1908) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1907 god: s pril. rechi ordin. prof. E.D. Grimma* [Report on the Status and Activities of the Imperial Saint Petersburg University for Year 1907: With the application of a speech by full professor E.D. Grimm]. Saint Petersburg: Tip. B.M. Vol'fa.
- Saint Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 1023. List 1. File 53. Ignatovich, I.I. (n.d.) *O zhizni i deyatel'nosti Semevskogo V.I. i rukovodimom im istoricheskom kruzhke. Vospominaniya*. [About the Life and Work of Semevsky V.I. and the Historical Circle Led by Him. Memories]. Manuscript.
- Pozner, S. (1912) Iz vospominaniy o Petre Frantseviche Lesgafta [From the memories about Peter Frantsevich Lesgaft]. In: *Pamyati Petra Frantsevicha Lesgafta* [In Memory of Petr Frantsevich Lesgaft]. Saint Petersburg: Izdanie gazety “Shkola i Zhizn'”. pp. 242–298.
- Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 2. File 35. *Dogovor V.I. Semevskogo s I.M. Sibiryakovym o napisanii knigi o zhizni priiskovykh rabochikh Sibiri* [Contract between V.I. Semevsky and I.M. Sibiryakov on Writing a Book about the Life of Siberian Mine Workers].
- Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1891) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 10 maya 1891 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 10 May 1891].
- Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 30. Semevskiy, V.I. (1891) *Pis'mo I.M. Sibiryakovu. 29 noyabrya 1891 g.* [Letter to I.M. Sibiryakov. 29 November 1891].
- Gavrilov, S.V. (2019) [Siberian expedition of V.I. Semevsky: preparation, “road map, results”]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Natural and geographical factors in the everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Pushkin. 14–16 March 2019. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 177–182. (In Russian).
- Semevskiy, V.I. (1886) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* P.A. Slotsova [Historical review of Siberia by P.A. Slotsov]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Vol. 3. Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 159–166.
- Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1888). *Pis'mo V.I. Semevskomu. 9 aprelya 1888 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 9 April 1888].
- Semevskiy, V.I. (1888) Retsenziya: Uman'skiy A. Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseyskoy tayge. SPb., 1888 [Review: Uman'skiy A. Essays on the Gold Mining in the Yenisei Taiga. Saint Petersburg, 1888]. *Russkaya starina*. LIX. June. pp. 2–3.
- Semevskiy, V.I. (1888) Retsenziya: Sibirskie rasskazy iz zhizni priiskovogo lyuda. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1888 [Review: Siberian Stories from the Life of the Miners. Saint Petersburg: typ. M.M. Stasyulevich, 1888]. *Russkaya starina*. LIX. August.
- Semevskiy, V.I. (1888) Retsenziya: Naumov N.I. Pautina. Rasskaz iz zhizni priiskovogo lyuda Sibiri. SPb., 1888 [Review: Naumov N.I. The Web. A story from the life of Siberian miners. Saint Petersburg, 1888]. *Russkaya starina*. LX. November.
- Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1891) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 11 fevralya 1891 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 11 February 1891].
- Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1890) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 30 noyabrya 1890 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 30 November 1890].

28. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 630. Sibiryakov, I.M. (1892) *Pis'mo V.I. Semevskomu*. 5 yanvarya 1892 g. [Letter to V.I. Semevsky. 5 January 1892].
29. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 30. Semevskiy, V.I. (1892) *Pis'mo I.M. Sibiryakovu*. 7 yanvarya 1892 g. [Letter to I.M. Sibiryakov. 7 January 1892].
30. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 630. Sibiryakov, I.M. (1892) *Pis'mo V.I. Semevskomu*. 8 yanvarya 1892 g. [Letter to V.I. Semevsky. 8 January 1892].
31. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 30. Semevskiy, V.I. (1893) *Pis'mo I.M. Sibiryakovu*. 18 sentyabrya 1893 g. [Letter to I.M. Sibiryakov. 18 September 1893].
32. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1893) *Pis'mo V.I. Semevskomu*. 24 oktyabrya 1893 g. [Letter to V.I. Semevsky. 24 October 1893].
33. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1893) *Pis'mo V.I. Semevskomu*. 6 noyabrya 1893 g. [Letter to V.I. Semevsky. 6 November 1893].
34. Semevskiy, V.I. (1894) *Krupnoe pozhertvovanie v pol'zu rabochikh* [Large donation to the labourers]. *Russkie vedomosti*. 97. pp. 2–3.
35. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1894) *Pis'mo V.I. Semevskomu*. 17 oktyabrya 1894 g. [Letter to V.I. Semevsky. 17 October 1894].
36. Glebov, S. (1908) *Blagodel'teli (iz vospominaniy)* [Benefactors (from memoirs)]. *Russkiy palomnik*. 11. P. 167.
37. Yadrintsev, N.M. (1980) *Pis'mo V.I. Semidalovu*. 22 dekabrya 1893 g. [Letter to V.I. Semidalov. 22 December 1893]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhn. izd-vo. pp. 294–297.
38. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. (1895) *Khoroshee delo i zlye tolki* [Good deed and evil talk]. 24. 25 January. p. 1.
39. Golovachev, A. (1903) *Innokentiy Mikhaylovich Sibiryakov*. *An illustrated supplement to Sibirskaya zhizn'*. 1 June. 115. pp. 1–2.
40. Potanin, G.N. (1917) *Pamyati Vasiliya Ivanovicha Semevskogo* [In memory of Vasily Ivanovich Semevsky]. *Golos minuvshogo*. 1. pp. 223–226.
41. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk Pages: Notes of the Editor]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.

Received: 23 June 2019